

СЛОВНО ВСТРЕЧА С ЖИВЫМ ЧЕЛОВЕКОМ

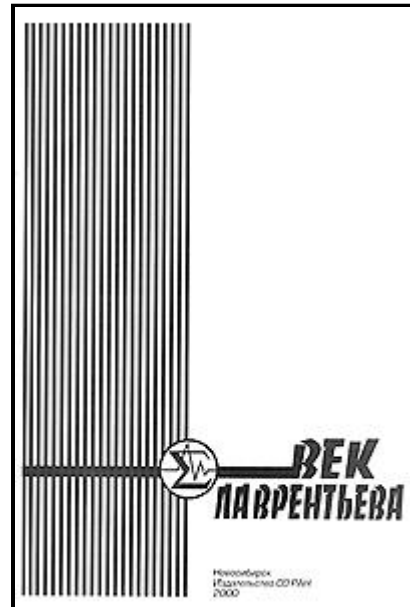
О. Ушакова.

Несколько впечатлений от книги "Век Лаврентьева"

Вышла в свет книга воспоминаний, посвященная столетию со дня рождения основателя СО РАН академика Михаила Алексеевича ЛАВРЕНТЬЕВА.

Прежде чем читать эту книгу, просто откройте ее, пролистайте, загляните в оглавление, где увидите знакомые всем нам имена коллег, соратников, учеников этого необыкновенного человека. Среди них вы встретите немало фамилий тех, кто сам по себе -- крупная фигура своего времени. Но и для них он был учителем и человеком, на которого они равнялись, о котором они говорят, как о личности значительной, мощной.

Воспоминания о большом человеке -- дело сложное. Очень легко поддаться соблазну восхваления или "официоза". Еще проще -- уйти в перечисления событий, поступков, достижений и трудностей. И бывает, что воспоминания о той или иной личности становятся формальной данью памяти -- так положено. На самом-то деле и положено, только вот сделать все это с "человеческим лицом" непросто...

Мерз

Книга воспоминаний об академике Михаиле Алексеевиче Лаврентьеве -- несомненная удача составителей, редакторов, издателей и, конечно же, всех ее многочисленных авторов, от бумаги и шрифта до компоновки и содержания. Сам процесс листания книги уже доставляет удовольствие -- глаз постоянно выхватывает строчки каких-то реальных эпизодов жизни и работы, диалогов, встреч М.А.Лаврентьева с самыми разными людьми. Обычно именно этого не хватает в книгах воспоминаний -- живого человеческого восприятия. Здесь же -- сколько угодно, можно просто зачитаться. Со страниц этой книги на вас смотрит живой, настоящий человек.

Как и когда возникли легенды вокруг его имени? Это тоже есть в книге. Алексей Аджубей, бывший в те годы редактором "Комсомольской правды" и "Известий", например, вспоминает: "Когда Лаврентьев и сопровождающие его товарищи выбирали место для строительства городка, он (так, во всяком случае, нам рассказывали) залез на высоченную сосну и, к немалому удивлению солидных товарищей, закричал с верхней ветки могучего дерева: "Прекрасное место, золотая тайга...".

И отсюда пошел град сей...

Может быть, все это легенда?"

Так или иначе -- с самого начала создания научного центра в Сибири неординарный ученый вел себя как неординарный человек. И вот это очень отчетливо звучит во всех воспоминаниях, вошедших в книгу. Казалось бы, двадцать лет прошло со дня его смерти -- очень многое было и написано, и рассказано, а оказалось, что в памяти людей хранится бесконечно больше. Нестандартность мышления, суждений, поведения не забывается никогда.

Время идет, в науку приходят свежие молодые умы. Для них М.А.Лаврентьев -- фигура мемориальная. Но им, наверно, любопытно из рамок нынешнего мира понять Лаврентьева, как исследователя со своими принципами научной школы и организации науки, понять как человека, умеющего дружить, любить, радоваться и страдать. А в книге все это прекрасно отражено.

И пусть совсем небольшой объем в ней занимают страницы личной жизни -- они тем удивительнее. Далеко не все знали и тогда, например, что спутница его жизни Вера Евгеньевна родилась в Швейцарии и двенадцать лет прожила в США. Что ее мать, биолог по профессии, подобно Софье Ковалевской, не имела права преподавать в России...

Один из неожиданных разделов книги называется довольно сухо -- "Документы". Но это большей частью неопубликованные ранее материалы. Среди них -- докладные записки в Совмин, ЦК КПСС, письмо Н.Хрущеву, ответы из Москвы, несколько документов по организации НГУ, ФМШ, НПО "Факел". И опять среди сухих строк ярко проступает облик Михаила Алексеевича Лаврентьева, не сдающегося, все доводящего до конца...

* * *

В аннотации к книге о ее содержании написано, что она -- о главном деле жизни Лаврентьева, создавшего прогрессивную систему взаимодействия науки, образования и материального производства и ее воплощение в СО РАН, послужившее прообразом многих других научных центров на востоке нашей страны и за рубежом. Но создатели книги "выломались" из своих же задуманных представлений. Книга представляет нам ученого так, словно встретился с ним воочию.

"Век Лаврентьева" -- даже само название книги воспоминаний также многозначно, как он сам. Двадцатый век -- век науки, но это и его личный век, в котором он долго жил и плодотворно работал. Это век, в котором Сибирь, впервые с ломоносовских времен, совершила прорыв во многих областях знаний. Век, сравнивающийся, благодаря ему, с эпохой Возрождения. И есть он теперь в истории Сибири и России -- век Лаврентьева.